

закреплены нормы, позволяющие правоохранительным органам и суду безусловно освобождать лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности.

Не характерен российскому уголовному праву и принцип неотвратимости ответственности в понимании его А.А. Нечепуренко (чего нельзя сказать об УК РСФСР 1960 г.). В новом УК отсутствуют нормы, предусматривающие замену уголовной ответственности иной ответственностью, например, административной, общественным воздействием и др. Поэтому можно заключить, что ни один из принципов неотвратимости уголовному праву России не свойственен.

Поэтому трудно согласиться с А.В. Наумовым, который пишет, что среди принципов, выделяемых в науке уголовного права «особое значение имеет принцип неотвратимости ответственности. Он означает, что всякое лицо, совершившее преступле-

ние, подлежит наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия, предусмотренным уголовным законом» [12, с. 53–54]. И далее: «Как бы то ни было, но сегодня один из важнейших принципов уголовного права – неотвратимость ответственности – не всегда реализуется. И причины этого достаточно серьезны, но и они, на мой взгляд, преодолимы» [там же, с. 54].

По нашему глубокому убеждению принцип свойственен уголовному праву только тогда, когда он реализуется в нормах уголовного законодательства. Если в отечественном уголовном законодательстве данный принцип не реализуется или «не всегда реализуется», то о нем и нет смысла вести речь. Таким образом, на наш взгляд, к сожалению, в настоящее время принцип неотвратимости ответственности не является принципом российского уголовного права, а его существование запечатлено только в истории.

Литература

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М., 2000.
2. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987.
3. Фефелов П.А. Неотвратимость наказания – важнейший принцип советского уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1965.
4. Фефелов П.А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992.
5. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988.
6. Виттенберг Г.Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4.
7. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. Красноярск, 2001.
8. Тенчов Э.С. Принципы уголовного права и их влияние на дифференциацию и индивидуализацию ответственности за преступления // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве / Под ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2000.
9. Игнатов А.Н., Красиков Ю.А. Курс российского уголовного права: В 2-х т. Т. 1. Общая часть. М., 2001.
10. Нечепуренко А.А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права. Омск, 1996.
11. Барков А.В. Правовые предпосылки неотвратимости ответственности в проекте Основ уголовного законодательства // Новый уголовный закон. Кемерово, 1989.
12. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2-х т. Т. 1. Общая часть. М., 2004.

Т.Р. Тагиев

ШАНТАЖ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Юридический институт Томского государственного университета

Термин шантаж используется в УК РФ в пяти статьях (ст. 127.2, 133, 302, 304, 309), но значение этого термина раскрывается только в ст. 163 (Вымогательство). Отметим, что очень часто термины «вымогательство» и «шантаж» рассматриваются как синонимы, хотя, по сути, они соотносятся как общее (вымогательство) и частное (шантаж).

Институт шантажа берет свое начало с Уголовного Уложения 1903 г., хотя еще в Соборном Уложении 1649 г. в ст. 186 использовался такой термин как «поклепные иски», который по смыслу очень близок к шантажу [1, с. 50]. Но все же именно Уголовное Уложение наряду с вымогательством (ст. 590) впервые предусматривало ответственность за шантаж в ст. 615.

Под шантажом в Уложении понималось побуждение другого лица с целью доставления себе или другим лицам имущества, выгоды, права на имущество, вовлечение в невыгодную сделку под угрозой оглашения вымышленных или иных сведений: 1) о позорном факте; 2) о преступлении; 3) обстоятельствах, подрывающих торговый кредит потерпевшего. Причем шантаж, как и вымогательство хоть и признавались преступлениями против собственности, но расположены они были в разных главах: шантаж в главе 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных наказуемой недобросовестности по имуществу», а вымогательство в главе 32 «О воровстве, разбое и вымогательстве».

Но следует напомнить, что Уложение 1903 г. так и не вступило в действие, в силу ряда известных причин.

В дальнейшем, эта норма встречается только в первом советском уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в ст. 195 и определяет шантаж как вымогательство, соединенное с угрозой огласить позорящие потерпевшего сведения или сообщить властям о противозаконном его деянии (шантаж).

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. определил шантаж как разновидность вымогательства и понимал под ним требование передачи каких-либо имущественных выгод или права на имущество или совершения каких либо действий имущественного характера под страхом насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества.

В следующем уголовном кодексе РСФСР 1960 г. было две статьи посвященных вымогательству: вымогательство государственного, общественного (ст. 95 УК РСФСР) и личного (ст. 148 УК РСФСР) имущества.

Конституция РФ 1993 г. в ч. 2 ст. 8 определила, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности», что и сказалось в УК РФ 1996 объединившего ст. 95 и ст. 148 УК РСФСР.

Любопытно, что первоначально под шантажом было принято понимать особый прием ловли рыбы, применяемый французскими рыбаками. Заключался он в следующем, рыбаки сначала расставляли сети, а потом шумом и криком сгоняли туда рыбу [2, с. 16].

Со временем этот термин «переплыл» в уголовно-правовую литературу и под ним уже было принято считать совершенно иное. Словарь Ожегова определяет шантаж следующим образом: «Шантаж – это совершение неблагоприятных или преступных действий (угроза разоблачения, разглашения компрометирующих сведений) с целью вымогательства, а также вообще угроза, запугивание чем-

нибудь с целью создать выгодную для себя обстановку» [3].

Угроза распространения позорящих сведений является одним из средств, используемых виновным при совершении вымогательства. Цель шантажа состоит в том что, потерпевший, испугавшись огласки сведений, способных скомпрометировать его или его близких, обязательно согласится «плясать под дудочку» вымогателя и, таким образом, сохранит эту информацию в тайне. Эти сведения могут быть как правдивыми, так и ложными (т.е. те, которые не имели места в реальности), но обязательно позорящего характера [4, с. 30]. Содержание этих сведений может быть разнообразным и касаться самых различных жизненных обстоятельств, относящихся к потерпевшему или его близким. Это могут быть сведения содержащие утверждения о нарушении лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица [5]. Также в качестве позорящих сведений можно считать информацию о наличии у потерпевшего или его близких, определенных болезней, о дурных наклонностях, о супружеской измене, о совершении в отношении потерпевшего преступления и т.д.

В своем постановлении Пленум Верховного Суда РФ дает определение того, что понимать под распространением порочащих сведений. Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу [там же]. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением.

Но все же считаю необходимым подчеркнуть, вопрос о том, являются ли оглашаемые сведения позорящими, должен быть разрешен, руководствуясь взглядом на это самого потерпевшего. Лишь то значение, которое придавал им потерпевший, а не другие лица, может оказать устрашающее воздействие на него и принудить его к передаче вымогателю соответствующих материальных выгод. Поэтому, например, угроза разгласить, что данное лицо боль-

но венерической болезнью, хотя объективно это не является позором, а несчастьем, может служить средством вымогательства, поскольку потерпевший считает такое оглашение сообщением, позорящим его в глазах других людей.

Представляется, что суд не должен заниматься решением вопроса о том, в какой мере сведения, разглашением которых угрожал вымогатель, были ложными или действительными, объективно способным опозорить потерпевшего или его близких.

Фактическая реализация угрозы разглашения позорящих сведений лежит за пределами состава вымогательства и при наличии к тому оснований (дела частного обвинения), квалифицируется по совокупности как клевета или оскорбление. Но в этом случае вопрос о ложности распространенных сведений и способности их опозорить потерпевшего или его близких решается только самим судом на основании общепринятых норм морали и нравственности.

На практике, в ряде случаев, встречается неправильная оценка судами характера и содержания сведений, распространением которых угрожает виновный, что приводит к необоснованной квалификации содеянного. Примечателен следующий пример.

По приговору Санкт-Петербургского городского суда Соловьев был осужден по ч. 1 ст. 222, п. «а», ч. 2 ст. 163 УК РФ и по п. «н» ст. 102 УК РСФСР; Окунев по чч. 1 и 3 ст. 222, п. «а», ч. 2 ст. 163, пп. «а», «б», ч. 3 ст. 162 УК РФ. По этому же приговору осуждены Богданов, Сенин, Рыбаков и Михеев.

Согласно приговору суда после совершения разбойного нападения Окунев рассказал об этом преступлении Соловьеву и они решили шантажировать Богданова и Рыбакова. С этой целью Соловьев позвонил им и, требуя 6 тыс. долларов США, стал угрожать тем, что сообщит о совершенном ими преступлении. Опасаясь разоблачения, Богданов и Рыбаков отдали требуемую сумму Соловьеву.

Действия Соловьева и Окунева по эпизоду получения ими от Богданова и Рыбакова 6 тыс. долларов США суд квалифицировал по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ как вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества под угрозой распространения сведений, которые могли причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Однако Президиум Верховного Суда РФ признал приговор в этой части необоснованным по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела, Соловьев и Окунев, достоверно зная о совершенном Богдановым и Рыбаковым преступлении (поскольку Окунев

был одним из соучастников этого преступления), имели своей целью завладеть определенной частью денежных средств, похищенных Богдановым и Рыбаковым при разбойном нападении. Диспозиция ст. 163 УК РФ определяет вымогательство как требование передачи чужого имущества под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего.

Угрозу разглашения сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права Богданова и Рыбакова, либо причиняющим вред их законным интересам.

При таких обстоятельствах действия Соловьева и Окунева в части, касающейся завладения ими 6 тыс. долларов США, квалифицированные судом по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, не содержат состава преступления [6].

Представляется, что в данном случае выводы суда являются необоснованными. Согласно диспозиции ст. 163 УК РФ речь идет об угрозе распространения сведений двух категорий: либо позорящих потерпевшего или его близких, либо могущих причинить существенный вред правам и законным интересам этих лиц. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве» под угрозой оглашения позорящих сведений понимается угроза разглашения сведений о совершенном потерпевшим или его близкими правонарушении, а равно иных сведений, оглашение которых может нанести ущерб чести и достоинству потерпевшего или его близких. При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой разглашения которых совершается вымогательство (п. 3). Как обоснованно отмечается некоторыми авторами, важно, что потерпевший стремится сохранить эти сведения в тайне, а угроза их оглашения используется виновным для того, чтобы принудить его к передаче имущества (см.: [7, с. 88]).

На наш взгляд, в тех случаях, когда шантажист распространяет сведения, не способные, по мнению потерпевшего, причинить ему какой-либо вред, то его действия надлежит квалифицировать как покушение на вымогательство (ч. 3 ст. 30 и ст. 163 УК РФ). По нашему мнению, в действиях вымогателя содержится фактическая ошибка в средствах преступления, не позволяющая преступнику реализовать свой преступный умысел и довести намеченные действия до конца. Следовательно, в вымогательстве при покушении с негодными средствами в действиях преступника не содержится всех признаков объективной стороны состава преступления – отсутствует угроза причи-

нения вреда объекту преступления. Представляется, что незаконное требование вымогателя только в совокупности с применяемым психическим насилием к потерпевшему или к его близким, создает угрозу объекту уголовно-правовой охраны. Используя непригодную для шантажа информацию, вымогатель нарушает двухстороннюю связь «вымогатель-потерпевший», таким образом, воля потерпевшего не парализуется вовсе.

Что же касается угрозы распространения иных сведений, которые могут причинить существенный

вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, то их содержание может быть самым разнообразным. Например, разглашение коммерческой тайны, секреты производственных технологий, налоговая или банковская тайна критической финансовое положение и т.д. Важно еще раз подчеркнуть, что решение вопроса о том, способны ли такие сведения, будь они преданы огласке, объективно причинить именно существенный вред соответствующим правам и интересам, принадлежит исключительно потерпевшему.

Литература

1. Российское законодательство X–XX вв. / Под ред. В.Л. Янина. Т. 1. М., 1984.
2. Перов И. В. Уголовно-правовые вопросы борьбы с вымогательством. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
3. www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt
4. Ляпунов Ю.И. Уголовно-правовые вопросы борьбы с вымогательством. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 3 от 24 февраля 2005 г «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Режим доступа: www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=1567
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2002 года. Официальный сайт Верховного Суда РФ http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=158
7. Гусев О.Б., Завидов Б.Д., Коротков А.П. и др. Преступления против собственности. М., 2001.

М.М. Тарасов

СЛУЖЕБНО-БОЕВОЙ ОПЫТ ВОЙСК ПРАВОПОРЯДКА

Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России

195 лет минуло с тех пор, когда в России сложилась и получила свое законодательное оформление военно-охранительная система. Наличие вооруженных формирований внутреннего назначения характерно и для других стран, поскольку эти силы составляют необходимый элемент государственной власти, независимо от типа политического устройства государства и его социально-экономической формации.

Все государства в своей истории сталкивались и продолжают сталкиваться с внешними и внутренними факторами, вызывающими угрозу их безопасности. Поэтому с древнейших времен они создавали вооруженные силы, способные противостоять как внешним, так и внутренним врагам. Древнекитайский стратег У. Цзы, живший в V–IV вв. до н.э., так обосновывал предназначение вооруженных сил: «Обычно поднимают войско на войну из-за пяти причин: первое – из-за славы; второе – из-за выгоды; третье – из-за накопившихся обид; четвертое – из-за внутренних беспорядков; пятое – из-за голода. Эти причины, в свою очередь, обуславливают пять видов войск: первое – справедливые войс-

ка; второе – насильственные войска; третье – неистовые войска; четвертое – жестокие войска; пятое – мятежные войска». Следовательно, еще в Древнем Китае один из видов войск – «жестокие войска» – предназначался для борьбы с «внутренними беспорядками».

С развитием государств видоизменялись формы организации внутренних войск, их функции, порядок использования и название. Например, силы внутренней безопасности США именуется сегодня Национальной гвардией. Во Франции – это Национальная жандармерия, в Испании – Гражданская гвардия, в Италии – Корпус карабинеров. В ФРГ внутренние функции выполняют мобильные части полиции готовности, войска пограничной охраны, а в особых случаях – вооруженные силы.

Специальные вооруженные формирования России, именуемые сейчас внутренними войсками, имеют многовековую историю, неразрывно связанную с основными этапами государственного строительства.

В Древнерусском государстве, Новгородской феодальной республике, удельных княжествах пе-